

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О ЦАРЕ ПИРРЕ*

*Г. С. Самохина
(Петрозаводск)*

Небольшая по объему монография С. С. Казарова—результат его многолетнего исследовательского интереса к истории античного Эпира¹, связанного в данном случае с эпохой эллинизма и личностью царя Пирра. Как следует из «Введения» (с. 3–6), автор ставит своей целью осветить источниковую базу и оценку своего героя античными авторами и проанализировать основные направления в его изучении историографией XIX–XX вв. При этом делается несколько программных заявлений: 1) С. С. Казаров считает, что источникам по истории Пирра свойственна «полнота и достоверность»; 2) он уверен в необходимости комплексного использования всех имеющихся в его распоряжении данных источников; 3) его исследование опирается на работы немецких историков XIX в., которые отличает и глубина источниковедческого анализа, и «блестящее знание классических языков»; 4) автор предлагает разделить нарративные источники на две группы: (а) греческие авторы III в. до н. э., как современники Пирра, так и те, кто писал буквально сразу же после его смерти, так сказать, «по горячим следам», (б) источники времени господства Рима в Средиземноморье; 5) автор ограничивает круг рассматриваемых им работ зарубежных и отечественных антиковедов только теми трудами, которые действительно разбирают различные стороны деятельности и личности эпирского владыки или имеют важное методологическое значение.

Несомненным достоинством рецензируемой нами работы являются, по нашему мнению три обстоятельства: 1) четкость поставленной автором задачи, что скрупулезно им выдерживается; 2) обращение к работам тех немецких ученых XIX в., с именами которых связано

* КАЗАРОВ С.С. Царь Пирр: античная историческая традиция и современная историография. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2002. – 141 с.

¹ Кандидатская диссертация С. С. Казарова была посвящена исследованию социально-политического развития Эпира в позднеклассическую эпоху.. См.: КАЗАРОВ С.С. Социально-политическое развитие Эпира в V–IV вв. до н. э. Автореф. дисс. к. и. н. СПб., 1991.

начало изучения источников, в основном, естественно нарративных, эпохи эллинизма: Р. фон Скала, А. Гутшмиду, Р. Шуберту, Ф. Ройссу, Р. Лакёру и др., и выводами которых зачастую активно пользуются современные авторы, не считая иногда нужным показать истоки той или иной научной идеи; 3) монография снабжена списком источников, с точным указанием тех мест из них, где повествуется о личности и деятельности Пирра.

Заметим, однако, что решая некоторые источниковедческие задачи, автор, как мы считаем, был просто обязан познакомиться с рядом новейших работ² по изучению интересующих его античных писателей. Это уберегло бы его в иных случаях от курьезных ошибок, о которых нам придется говорить по ходу анализа работы С. С. Казарова.

В соответствии с поставленными автором задачами монография делится на две части (автор называет их главами, что представляется не совсем удачным обозначением): первую, разбирающую нарративные источники по истории Пирра, и вторую, показывающую, как и под каким углом изучалась личность и деятельность последнего в зарубежном—французском, немецком, английском, американском, итальянском—и отечественном антиковедении.

В силу наших собственных научных интересов и того обстоятельства, что эта часть работы чаще вызывает у нас замечания, мы вынуждены уделить большую часть нашего внимания в части источниковедческой первичным или греческим источникам. Анализируя источниковую базу, С. С. Казаров, естественно, прежде всего останавливается на проблеме мемуаров эпирского царя, существование которых часть ученых ставила под сомнение, хотя античная историческая традиция единодушно говорит о некоем произведении Пирра (См.: Cic. *Ad Fam.* IX.25; Dion. Hal. *Ant. Rom.* XX; Paus. I.12.2; Ael. *Var.* I), которое получило в антиковедении название «царских списков»³. С. С. Казаров разбирает три возможных фрагмента из его воспоминаний. Два, представленные выдержками из Плутарха и Дионисия Галикарнасского (Plut. *Pyrrh.* 21; Dion. Hal. *Ant. Rom.* XX.10), не вызывают никаких сомнений в принадлежности представленных там сведений изначально эпирскому царю. Третий, пространная выдержка из работы Павсания (I.12.3), признается автором монографии—здесь С. С. Казаров, передав

² Весьма полезным для автора в данном случае могла быть следующая статья справочного характера: ALONSO-NÚÑES J.A. *Historiographie hellénistique pré-polybienne* // REG. 1989. Т. 102. № 485/486. P. 160–174.

³ См. доказательство их существования и предположения об их характере: КАЗАРОВ С.С. Проблема «царских списков» царя Пирра // *Античность в современном измерении. Тез. докладов Всероссийской научн. конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник».* Казань. 14–16 ноября 2001 г. Казань, 2001. С. 74 сл.

по возможности лаконично научную дискуссию по ее поводу, следует мнению автора конца XIX в. Р. Шуберга за свидетельство о существовании некоего сборника рассказов о характерных поступках (у Павсания—*ἔργων ὑπομνήματα*) выдающихся полководцев древности, среди которых могли быть представлены и сюжеты из жизни Пирра. Но источником для них могли быть произведения и других авторов, не только сочинение самого эпирского царя.

С. С. Казаров считает необходимым для решения вопроса о характере сочинения Пирра остановиться на данных из «Стратегем» Фронтинна (II.4.13, в котором говорится о таком же, как у Креза, тактическом приеме эпирского царя: об использовании Пирром в битве с римлянами на стороне тарентинцев слонов, что позволило ему разорвать боевой ряд противника. В данном случае автор делает, как нам кажется, слишком далеко идущие выводы. Он считает, что можно говорить, по крайней мере, об одном присущем мемуарам царя аспекте—внимании Пирра к военному искусству своего времени и, видимо, к собственным военным деяниям (с. 8–11).

Однако неясно, во-первых, откуда Фронтину стали известны эти сведения. Это могли быть любые античные авторы. Во-вторых, непонятно, почему только этот эпизод используется автором монографии в его попытке определить характер «Воспоминаний» эпирского владыки. Как же быть с другими упоминаниями действий Пирра и его римских противников у Фронтинна? (См.: *ibid.* II.2.1; 3.21; 4.9; 6.9–10; III.6.3; IV.1.3; 1.14; 1.18; 4.2). Вспомним, что эпирскому царю принадлежала работа по военному искусству, о чем нам прямо говорит Плутарх в биографии Пирра (VIII.2–4) и другие авторы более позднего времени, специалисты по военной истории—Элиан Тактик, жившего при Траяне и Адриане, автор *Τακτικῆ θεωρία*, и знаменитый Флавий Арриан, современник Адриана и Марка Аврелия, написавший *Τέχνη τακτική*. Царь Пирр упоминается ими среди таких специалистов военного дела, как его сын Александр, Клеарх, Павсаний, Эвангел и Полибий (Агг. *Tact.* I. 3–4; 19.10; Ael. *Tact.* I.2; III.4; XIX.10). Нам также известно, что по поручению эпирского царя фессалийцем Кинеем были сделаны специальные извлечения из сочинения автора IV в. до н. э. Энея Тактика в силу, как мы полагаем, его слишком большого объема. Речь в данном случае идет о другом, не дошедшем до нас в отличие от его трактата «О защите осажденного города», произведении Энея, о котором нам сообщает Полибий и которое было известно Элиану под названием *Στρατηγικὰ βιβλία* (Polyb. X.44.1; Aelian. *Tact.* I.2). В связи с этими дополнительными данными возникает, как нам кажется, один важный вопрос: сколько работ было у Пирра—две или одна, характер которой мы не совсем верно понимаем?

Дело в том, что название, под которым древним была известна работа Пирра, может предполагать, по крайней мере, двойное его пони-

мание. Оговоримся сразу, что перевод на русский язык словосочетания *τὰ βασιλικὴ ὑπομνήματα* как некие «царские списки», по нашему мнению, крайне неудачен—недаром С. С. Казаров берет его в кавычки. Связанное с терминами *ἡ μνήαι* («память, воспоминание, упоминание»), *τὸ μνημεῖον* («памятное»), *τὸ μνημα* («памятник, в том числе и могильный») слово *τὰ ὑπομνήματα*, несомненно, могло обозначать произведение такого рода, которое мы обычно называем «Мемуарами» или «Воспоминаниями».

Но слово это более многозначно⁴. В единственном (*τὸ ὑπόμνημα*) и множественном числе (*τὰ ὑπομνήματα*) оно может означать и «записанное для памяти», «памятные записки», то есть просто равно латинскому *commentarii*. Именно в таком качестве оно упоминается Диодором Сицилийским в рассказе об «архиве» покойного Александра Македонского, содержащем кроме различных официальных документов и его «заметки или записки на память» (*τὰ ὑπομνήματα*), содержание которых настолько поразило Пердикку своей грандиозностью⁵, что тот счел за благо отложить на время, а в сущности, просто отвергнуть их исполнение (Diod. XVIII.4).

Разумеется, мы не имеем права на основании имеющихся данных сводить содержание всей работы Пирра только к проблемам военной тактики и стратегии его времени и описанию его собственных решений военно-стратегического плана, но можем, как кажется, предположить, что его сочинение носило тот самый характер «записок по случаю»⁶, что предполагает известное нам название его произведения, которое, как мы полагаем, так и не было закончено и окончательно отшлифовано автором в силу его неожиданной смерти в 272 г. до н. э. в Аргосе.

Свидетельства Проксена, историка, который был, видимо, весьма близок к эпирскому царю—предмет последующего анализа С. С. Каза-

⁴ В том числе может обозначать и просто «историческое сочинение», как мы часто встречаем, например, у Полибия. См.: GELZER M. Über die Arbeitsweise des Polybios // SB Heidelberg. 1956. № III. S. 17; WALBANK F. W. A Historical Commentary on Polybios. Oxf., 1957. Vol. I. P. 39; IDEM. Polybios. Berkeley, 1972. P. 71.

⁵ Нашедший для перевода этого термина на английский язык весьма удачную аналогию Э. Бэдиэн подробно исследует проблему источников Диодора для рассказа о планах царя, мотивы поведения Пердикки и не только реальность планов Александра, но и то обстоятельство, что они частично осуществлялись уже при его жизни. См. подробнее: BADIAN E. A King's Notebooks // HStCIPh. 1968. Vol. 72. P. 183–204.

⁶ Касаясь названия и одновременно характера работы эпирского царя, мы хотели бы обратить внимание на сочинение Энея Тактика, перу которого принадлежала дошедшая до нас работа «Тактическая записка о том, как следует защищаться осажденным» (*τὸ τακτικὸν ὑπόμνημα περὶ τοῦ πῶς χρῆν πολιορκουμένους ἀντεχεῖν*). Такой дословный перевод дает этому

рова (с. 12–15). Автор полагает, что все три приписываемые ему работы (*τὰ Ἰππειρωτικά, περὶ τῶν πόρων Σικελικῶν, ἢ Λακωνικῆ πολιτεία*) посвящены Пирру, поскольку он считает, что «здесь мы имеем дело с описанием тех территорий, где вел военные действия его повелитель». Заметим, что такая трактовка названий представляется нам сомнительной. Первое из них может быть переведено на русский язык как «История Эпира»⁷ (по аналогии с типичными для греческих историков и встречающимися, например, у Геродота и Фукидида названиями их работ—*τὰ Ἑλληνικά*,—обычный перевод которых—«Греческая история») и, может быть, означало авторское название всей работы Проксена. Второе, несомненно, связано с пребыванием Пирра в Сицилии, но может означать и описание переправы эпирского царя на остров, и рассказ о наиболее важных в стратегическом отношении дорогах на его территории. Третье, без сомнения, было посвящено государственному строю Спарты, а не описанию территории Лакедемона. Были ли две последние работы интегральной частью исторического сочинения Проксена или представляли собой отдельные произведения—сказать трудно, хотя мы склоняемся к первому предположению.

Проксену приписываются девять дошедших до нас фрагментов, посвященных жизни эпирского царского двора. Внимание исследователя особенно привлекает содержащийся в схолиях к «Андромахе» Эврипида рассказ о женитьбе Пирра Старшего на Ланассе, согласно Юстину, внучке или правнучке самого Геракла, которая была захвачена им в плен в оракуле Додоны (Just. XVII.3.4), событие, неизвестное в древней традиции о эпирском царском доме. Плутарх, говоря об этом событии, называет Ланассу Старшую дочерью Клеодема, сына Гилла, а этот последний, как известно, был сыном Геракла и Деяниры, таким образом и в этой версии Ланасса—правнучка Геракла (Plut. *Pyrrh.* 1.3), что не отмечено С. С. Казаровым. Р. Шуберт объясняет появление

произведению В.В. Латышев (см.: ЛАТЫШЕВ В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1992. Вып. 1. С. 132), что представляется нам более удачным, нежели современное название, данное этому сочинению В. Ф. Беляевым. См.: ЭНЕЙ ТАКТИК. О перенесении осады. Пер. и вступ. ст. В.Ф. Беляева // ВДИ. 1965. № 1. С. 237–268; № 2. С. 215–243.

⁷ Такой же точки зрения относительно названия данной работы придерживается автор одной из немногих работ, посвященных Проксену, В. Ла Буа. Он считает, что Проксен жил между 330/320 и 260/250 гг. до н. э., следовал в своей работе традициям ионийской школы греческой историографии в противоположность, например, Иерониму из Кардии, представляющему направление, характерное для Фукидида, и использовал в своей «Истории Эпира» царские воспоминания. См. о содержании его работы: ALONSO-NÚÑES J.A. Op. cit. P. 171–172.

ее в официальной истории Эпира⁸ стремлением намекнуть на более тесные связи царя Пирра с домом сиракузского тирана Агафокла, на дочери которого, Ланассе, он был некоторое время женат. Это с полным доверием воспринимается С. С. Казаровым, но он полагает, что эта вставка должна была оправдывать притязания самого Пирра на сицилийские владения⁹. Мысль эта повторяется им и при анализе работы Павсания (с. 50–51).

Как нам представляется, дело в данном случае обстоит проще. Эпироты воспринимались, в силу того, что часть территории этой горной страны была заселена иллирийскими племенами, их соседями-греками народом варварским. Плутарх, давая в биографии Пирра разбор местных преданий о происхождении царей у племен молоссов и феспротов (1.1–3), связывает их немного немало с легендарным Пелазгом, прародителем догреческого населения Эллады, Девкалионом и Пиррой, якобы основателями святилища в Додоне, (а через них с такими представителями первого поколения богов, как Эпиметей и Прометей), с фессалийским героем Ахиллом, сыном Пелея, отец которого Эак считался мифическим прародителем царского рода Эакидов. От брака Ахилла с дочерью царя о. Скироса Ликомеда, Деидамии, и родился Неоптолем или Пирр Старший. Упоминание Ланассы Старшей в качестве супруги последнего должно было, как мы полагаем, придать генеалогии Эакидов, хотя бы по женской линии, еще и связь с таким греческим героем, как Геракл, от которого выводили свое начало многие знатные дорические роды, в частности, и македонский царский род Аргеадов. Присутствие же дорийского элемента в складывании эпиротской народности, как кажется, не подлежит никакому сомнению. Возможно, это общее происхождение от Геракла позволило Пирру сначала участвовать в битве при Ипсе на стороне Антигона Одноглазого, быть в дружбе с Деметрием Полиоркетом, охранять по его поручению греческие города, а затем претендовать на Македонское царство (Plut. *Pyrroh.* 4; 6–12). Вот и появилась еще одна версия происхождения Эакидов, связывающая их с Гераклом и позволяющая претендовать на македонский трон.

Что же касается возможных притязаний Пирра (или его сына Александра) на сицилийские владения Агафокла благодаря браку на его

⁸ Р. Шуберт считает, что этим Проксен оказывал услугу не самому Пирру, но его и Ланассы сыну Александру, давая таким образом последнему возможность претендовать на сицилийские владения Агафокла.

⁹ В данном случае С.С. Казаров ошибается: по греческому обычаю дочь была не наследницей, а всего лишь временной хранительницей имущества своего отца, которое должно было перейти к ее сыну и внуку ее отца, он-то и был наследником последнего и брал на себя исполнение всех обязанностей по почитанию своего мертвого деда.

дочери Ланассе, то нам представляется это невозможным по двум причинам: 1) Агафокл—тиран, а не легитимный правитель Сиракуз и иной принадлежавшей им территории, следовательно он не мог что-либо из этих владений кому-либо завещать. И уж вряд ли в глазах греков на сиракузские территории мог претендовать его бывший зять¹⁰. 2) К тому же, его дочь Ланасса в качестве приданого владела только Керкирой и Левкадой, власть над которыми она и принесла Пирру и Деметрию Полиоркету в период кратковременных браков с ними¹¹.

По мнению автора монографии, Проксен является основным источником доброжелательного отношения и подробнейшей информации о далеко не самых известных в истории эллинизма соратниках эпирского царя, его военных и политических планах, сверхъестественных качествах¹², силе и храбрости его, судьбе Пирра-ребенка и истории восхождения к царской власти, роли в этом иллирийского царька Главкия и Птолемея Египетского, что нашло свое отражение прежде всего у Плутарха. Никаких возражений эти выводы, основанные на косвенных данных, у нас не вызывают.

Справедливо полагая, что Иероним из Кардии—наш основной источник по истории раннего эллинизма, С. С. Казаров уделяет ему особое внимание (с. 15–21). При этом, прежде всего, автор обращается к основным этапам его жизненного пути. Мы вынуждены в данном случае обратить внимание исследователя на, во-первых, выводы современных исследователей, которые более определенно говорят об его жизни и судьбе, и во-вторых, внести свои коррективы в некоторые выводы самого С. С. Казарова¹³.

Родной город Иеронима—Кардия (Diod. XVIII.50.4; XIX.44.3; Suidas s.v. Ἱερώνυμος Καρδιανός = FgrHist. II B. 829. T 1, 4, 5)—представлял из себя аванпост эллинов на фракийском побережье.

¹⁰ Кстати, если бы действительно у греков тиран мог передать завоеванную им территорию своим родственникам и свойственникам, то многие из диадохов могли претендовать на сицилийско-италийские владения Агафокла, который активно использовал в своих политических интересах династические связи. См. подробнее: Попов А.И. Агафокл и диадохи // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л, 1986. С. 77–91.

¹¹ См. подробнее: там же. С. 84–86; SEIBERT J. Historische Beiträge zu der dynastischen Verbundungen in hellenistischen Zeit (Historia Einzelschriften. N. 10). Wiesbaden, 1967. S. 30.

¹² См. описание их и использование для оправдания и сакрализации власти царя в Эпире: КАЗАРОВ С.С. Царь Пирр: опыт сакрализации власти // <http://centant.pu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/kazarov.htm>.

¹³ См. прежде всего: HORNBLLOWER J. Hieronymus of Cardia. Oxf., 1981, где дана основная литература, выводы и приведены фрагменты из коллекции Ф. Якоби, имеющие отношение к судьбе Иеронима и его работе.

Местоположение Кардии давало ей возможность контролировать хлебную торговлю с Черным морем через проливы. В IV в. до н. э. в связи с наступлением Филиппа Македонского на Фракийское побережье и проливы она скоро оказалась в зоне македонского влияния и перешла на сторону Македонии¹⁴. Союзником македонского царя город становится еще до 346 г. до н. э.: во всяком случае уже в Филократовом мире она упомянута в этом качестве (Dem. XVI.34.4). Возможно, что под патронажем Филиппа II Кардия была с 352 г. до н.э.¹⁵. Такая политика Кардии вызвала неприкрытую к ней вражду афинян, как это становится ясным из речи Демосфена «О Херсонесе» и других его выступлений (Dem. VIII.64, 66; XXIV.16.9).

Историк Иероним был другом и, возможно, родственником¹⁶ другого знаменитого кардийца, который дослужился у Александра Македонского до поста главного царского секретаря (*ὁ ἀρχιγραμματεὺς*—Plut. *Eum.* 1.1), Эвмена. Последний, несомненно, был сыном политически важного гражданина Кардии, а отнюдь не сыном возчика, как утверждал Дурид Самосский (Plut. *Eum.* 1.1–3; Nep. *Eum.* 1.1) или музыкантом на похоронах, как об этом говорят некоторые другие источники (Ael. *VH.* XII.23): он уже в двенадцатилетнем возрасте был взят Филиппом II в Македонию и включен в штат македонского царского двора в качестве писца (Nep. *Eum.* XIII.1). Если верить Плутарху, который в полемике с Дуридом Самосским указывает на наличие тесных взаимоотношений отца Эвмена с македонским царем Филиппом II, иначе говоря на то, что тот был царским гостеприимцем, то весьма правомерно предположить, что Иероним не принадлежал к кардийскому простонародью¹⁷. Карьера Иеронима до смерти Александра нам абсолютно неизвестна, хотя мнение С. С. Казарова на основании данных

¹⁴ См.: BROWN Tr.S. Hieronymos of Cardia // AHR. 1947. Vol. 52. P. 690, n. 56–57, где даны точные ссылки на упомянутые нами источники.

¹⁵ См. это предположение: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 7.

¹⁶ На эту мысль наводит упоминание в источниках (Arr. *Ind.* 18.7) о том, что отца Эвмена звали Иеронимом (см. это предположение в хронологическом порядке: KÖHLER U. Über die Diadochengeschichte Arrian's // SB Berlin. 1890. Hbbd II. S. 558; BROWN Tr.S. Op. cit. P. 684, n. 4; HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 8, nn. 19–21). Неясна только степень их родства: был ли Иероним братом или племянником Эвмена.

¹⁷ См. слова Корнелия Непота о происхождении Эвмена «из местного славного рода»: *etsi ille domestico summo erat genere natus* (Nep. *Eum.* 1.2). Точные годы жизни историка, вопреки утверждениям С.С. Казарова, нам неизвестны. Предположения на этот счет основаны на данных Пс.-Лукиана (Ps.-Luc. *Macr.* 11), который ссылается на слова Агитархида о смерти Иеронима в весьма преклонном возрасте: когда ему было уже 104 года. Но доверять Пс.-Лукиану опасно. Его хронологические выкладки основаны на связывании сорокалетнего возраста героя, акмэ, к какой-

Афинаея о том, что Иероним появляется в Вавилоне только после смерти Александра вряд ли верно. Он, бесспорно, находился при особе Эвмена вплоть до смерти македонского владыки в Вавилоне¹⁸, был при штабе его, когда тому в 322 г. до н. э. пришлось завоевывать дарованную ему по первому разделу сатрапий Каппадокию у царя Ариарата¹⁹. Насколько можно судить по немногочисленным данным источников, Иероним в течение всей всей жизни выполнял военные, административные и дипломатические обязанности²⁰.

Далее карьера Иеронима представлена несколькими важными для истории диадохов событиями. Эвмен воспользовался услугами Иеронима в 320 г. до н. э. как главы посольства в переговорах о перемирии с Антипатром (Diod. XVIII.42.1 = FgrHist II В. 829 Т 3), когда сам был заперт в крепости Нора войсками Антигона Одноглазого. Мы не знаем, имело ли успех это посольство, ибо вскоре после этого Антипатр умер (Just. XIV.2.4). Его преемник Полиперхон для борьбы с Антигоном в интересах македонского царского дома назначил Эвмена стратегом автократом восточной части империи Александра. Иероним находился на службе у него и несомненно пользовался большим влиянием²¹. Во всяком случае, именно он был послан с дарами в качестве посла в

нибудь точно известной ему дате, что показал в своей статье Ф. Рюль (См.: Rühl F. Die Macrobier des Lukianos // RhM. 1907. Bd XII. S. 432). Предположительно, годы его жизни: 60–50 гг. IV в. – 60–50 гг. III в. до н. э. См. подробнее: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 5.

¹⁸ Пребывание Иеронима на родине было в это время невозможным: после убийства Филиппа II в Кардии устанавливается тирания некоего Гекатея, наследственного врага Эвмена, который, по данным Плутарха, неоднократно, но безуспешно просил Александра «вернуть кардийцам свободу» (Plut. Eum. 3.7). Но, видимо, режим Гекатея носил промакедонский характер и вполне устраивал наследника Филиппа. Гекатей, как кажется, сумел передать власть своему сыну Гегесистрату. Такое предположение делается на основании надписи конца IV в. до н. э., где упоминается проксен эпидаврийцев «Гегесистрат, сын Гекатея, кардиец» (Ἡγεσιστράτης Ἐκαταίου Καρδιάνος—IG IV 2. 49).

¹⁹ Самый ранний из дошедших до нас фрагментов работы Иеронима связан именно с этими событиями. См.: FgrHist II В 829 F. 3.

²⁰ Мы считаем абсолютно бессмысленным спор о том, был или не был Иероним военным человеком (последнее пытается доказать Ф. Якоби, см.: ЯСОВУ F. Hieronymos (10) // RE. 1913. Bd VIII. Sp. 1541), какие военные или административные обязанности он выполнял по преимуществу. В ту эпоху совмещение таких обязанностей было необходимо, что показывает и пример самого Иеронима, и отрывочные просографические данные о некоторых соратниках Антигона.

²¹ Проблема, которую поставила в своей работе Дж. Хорнблауер (Op. cit. P. 10),—имеет ли слово *φίλος*, применяемое для обозначения отношений между Эвменом и Иеронимом, личный или технический характер, трудна

319/318 г. до н. э. Антигоном к Эвмену, осажденному в крепости Нора., чтобы склонить того на свою сторону (Diod. XVIII.50.4 = FgrHist II B. 829 T 4; *ibid.* 57–58; Plut. *Eum.* 12). После поражения Эвмена в 316/315 г. до н. э. в Габиене, его пленения Антигоном и смерти, Иероним, возможно и потому, что значительная часть военных сил его бывшего патрона оказалась в руках победителя²², перешел на сторону Антигона и оставался верен ему до конца (Diod. XIX.44.3).

Он занял высокое положение и при дворе Антигонидов, возможно, входил в Совет друзей который сопровождал Деметрия Полиоркета в его военной кампании в Палестине и при осаде Газы, был его спутником в 312/311 г. до н. э. в походе по землям арабов-набатеев и был назначен в это время Антигоном управляющим области (*ἐπὶ μὲν ταύτης ἐπιμελητήν ἔταξεν*) вокруг Асфальтового озера²³ или Мертвого моря (Diod. XIX.100.1–3 = FgrHist II B. 829 T 6)²⁴. Иосиф Флавий указывает, что

для окончательного ответа, ибо, во-первых, нельзя отрицать дружественных и, возможно, родственных отношений между ними, и с этой точки зрения Иероним принадлежит к «личной партии» кардийца Эвмена, однако, во-вторых, будущий историк выполнял ряд важных поручений своего начальника и покровителя, и с этой точки зрения, несомненно входил в число крупных чиновников, но, в-третьих, процесс формирования такого привилегированного социального слоя эллинистического чиновничества в эпоху диадохов только начинается. См. подробнее по этому последнему вопросу: САМОХИНА Г.С. Роль так называемых друзей (*φίλοι*) в раннеэллинистической монархии // Вестник ЛГУ. № 14. История. Язык. Литература. Вып. 3. С. 62–67.

²² См.: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 11, n. 36.

²³ Описание этого моря, расположенного в землях арабов-набатеев, дано и в отрывке из произведения парадоксографа Флора со слов Иеронима: Paradox. Flor. *De aq. mir.* 33 = FgrHist II B 829 F 5: *Ἰερώνυμος ἱστορήσεν.*

²⁴ С.С. Казаров допускает досадную ошибку, утверждая, что, во-первых, назначение в этот район Иероним получил от Деметрия, а не от самого Антигона, а, во-вторых, полагая, что это была должность смотрителя *за рыбными промыслами*, каковых просто не могло быть на Мертвом море. Автор явно путает этот водоем Палестины с Генисаретским (оно же Галилейское или Тавериадское!) морем, в окрестностях которого Иисус Христос начал свои проповеди и познакомился с Симоном (будущим апостолом Петром) и братом его Андреем, которые действительно были там рыбаками. См. специально о важности этого района, который давал большой доход, благодаря торговле асфальтом (Diod. XIX.100.1: *...δοχεῖν εὐεργεῖναι τινα τῇ βασιλείᾳ πρόσοδον*) и наличие в районе Петры сухопутных караванных путей в Аравию, Египет и Сирию: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 13. Попытка Антигона установить контроль над добычей асфальта потерпела, впрочем, неудачу в силу сопротивления местных арабских племен, как справедливо указывает на это Р. А. Биллоус: BILLOWS R.A. *Antigonus the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State*. Berkeley, Los Angeles, L., 1990. P. 391.

Иероним управлял также и Сирией по решению Антигона (*φίλος δ' ὢν Ἀντιγόνου τοῦ βασιλέως τῆν Συρίαν ἐπέτροπέυεν*—Joseph. *Apion*. I. 213–214 = FgrHist II В. 829 F 6). Экспедиция Иеронима в южную Сирию, по словам Дж. Хорнблауэр²⁵, могла быть такого же характера, как поездка Нearchа вокруг Персидского залива по приказу Александра или путешествия Патрокла к Каспийскому морю по поручению первых Селевкидов. Возможно, он должен был дать впоследствии Антигону письменный отчет о ней. Может быть, именно этот отчет лег в основу рассказа Иеронима и затем Диодора Сицилийского о землях вокруг Мертвого моря. Версия Арриана для знаменитого «Перипла» Нearchа показывает, что рапорты такого рода могли носить художественный характер географического и этнографического характера, столь хорошо известные нам по ряду исторических сочинений, хотя бы, например, того же Геродота.

По словам Псевдо-Лукиана (*Macrob*. 11 = FgrHist II В. 829 T 7), Иероним остался верен дому Антигонидов и в трудное для Антигона Одноглазого и его потомков время. Он принимал участие—*ὁ συστρατευόμενος αὐτῷ* (*sc.* Ἀντιγόνου) в последней битве Антигона при Ипсе, возможно, в качестве одного из полководцев последнего.

После гибели его Иероним оказался на службе у его сына. Когда Деметрию Полиоркету удалось стать царем Македонии и вернуть себе власть в ряде областей Балканской Греции, в частности, подавить в 293 г. до н. э. восстание в Беотии, Иероним по его приказу выполнял обязанности эпимелета и гармоста над беотийскими городами (*Plut. Dem.* XXXIX.3–7 = FgrHist . II В. 829 T 8). У него и не было другого выхода. Его родной город был, во-первых, в составе царства врага Антигона и Деметрия, царя Лисимаха, во-вторых, в результате основания последним в 309 г. до н. э. своей столицы, города Лисимахии, находился в весьма тяжелом положении²⁶. Историк остался верен царскому дому Антигонидов и после бесславного изгнания Деметрия Полиоркета из Македонии и его смерти, став важным лицом при Антигоне Гонате, сыне Деметрия Полиоркета, близость с которым возникла возможно при отправлении Иеронимом его административных обязанностей в Беотии, когда Антигону Гонату пришлось подавлять и второе восстание фиванцев против власти Деметрия Полиоркета²⁷.

²⁵ См. ее комментарий к фрагменту второму: HORNBLLOWER J. *Op. cit.* P. 245.

²⁶ См. об основании Лисимахии: Just. XVII.1; Strab. VII.*fr.* 52, 54; Paus. I.9.8. Город, впрочем, к I в. до н. э. восстановил свое значение важного стратегического пункта на Херсонесе Фракийском, как нам сообщает Аппиан (*BC*. IV.88.1–2) и окончательно захирел лишь ко времени Павсания (Paus. I.10.5), который называет его деревней.

²⁷ Предположение Дж. Хорнблауэр (*op. cit.* P. 14.), видимо, основано на данных Плутарха (*Plut. Dem.* 29.3–7 = FgrHist II В 829 T 8: ...ὑπὸ τοῦ πατρὸς Ἀντιγόνου μάχῃ τοὺς Βοιωτοὺς καὶ τὰς Θήβας αὐθις ἐπολιόρκει).

Нам весьма трудно судить о работе Иеронима и потому, что от нее дошло всего 18 или 19 фрагментов, и потому, что ни один из этих отрывков не является прямой цитатой из его сочинения. Некоторые из современных ученых, в частности, Дж. Хорнблауэр²⁸ пытаются выйти из этого сложного положения, опираясь на XVIII–XX книги «Исторической Библиотеки» Диодора Сицилийского и считая, что основное содержание в них позаимствовано Диодором у Иеронима²⁹. Не отрицая зависимость Диодора от Иеронима, мы все же выражаем сомнение в том, что это правильный путь для восстановления содержания и композиции исторического сочинения последнего, ибо автор «Исторической библиотеки» при рассказе о событиях времени диадохов пользовался не только данными историка из Кардии.

Первые сложности возникают при выяснении названия исторического сочинения Иеронима. Свида (*s. v.* 'Ιερώνυμος Καρδιανός = FgrHist II B 829 T 1) замечает, что его труд был посвящен событиям, которые имели место «после Александра» (τὰ ἐπ' Ἀλεξάνδρῳ πραχθέντα). Однако, по мнению Дж. Хорнблауэр³⁰, это скорее указание на содержание работы Иеронима, причем самого общего характера, нежели передача истинного названия. Диодор Сицилийский и Иосиф Флавий дают более точную хронологическую справку о сочинении интересующего нас автора, они отмечают, что Иероним описывал историю эпохи диадохов. (См. соответственно: Diod. XVIII.42.1 = FgrHist II B 829 T 3; Joseph. *Apion*. I.213–214 = FgrHist II B 829 F 6(13)). Но Дионисий Галикарнасский называет труд историка *Περὶ τῶν Ἐπιγόνων πραγματεία* (Dion. Hal. *Ant. Rom.* I.5.4 = FgrHist II B 829 F 13).

Дж. Хорнблауэр предпринимает серьезное изыскание, пытаясь показать, какое содержание вкладывали в период эллинизма и позднее в понятие «эпигоны»³¹. Помимо того, что это могло быть просто личным именем и иметь отношение к фиванскому циклу мифов³², мы узнаем, что впервые это прозвище получили лично от Александра те 30 тыс. персидских юношей, которые были набраны им в его армию в Сузах и проходили военную подготовку в македонском фаланге. Египетские папирусы показывают, что так называли первое поколение поселившихся в эллинистическом Египте наемников, которые стали там катойками или военными поселенцами³³. Но начиная II в. до н. э., в работах антич-

²⁸ См. рецензию на ее работу: Илюшечкин В.Н. Рец.: J. Hornblower. Hieronymus of Kardia // ВДИ. 1988. № 2. С. 229–234.

²⁹ См. доказательства своей правоты: HORNBLOWER J. Op. cit. P. 18–75.

³⁰ Ibid. P. 76.

³¹ Ibid. P. 76–79.

³² См. ее указание на эпиграфический и мифологический материал: ibid. P. 78, n. 12–13.

³³ Ibid. P.77, nn. 9–10.

ных авторов «диадочи»—это всегда первое поколение правителей после Александра, его преемники, бывшие военачальники его, принадлежавшие к числу его *φίλοι* или *ἑταίροι*, а «эпигоны»—второе, то есть потомки великих преемников и соратников Александра. Это, как утверждает исследовательница, опираясь при этом на сведения о названии работы младшего современника Иеронима Нимфида Гераклейского, наиболее традиционное и распространенное употребление терминов «диадочи» и «эпигоны».

Вопреки утверждению С. С. Казарова, что вопрос этот окончательно решен и можно говорить о двух работах Иеронима, он все еще остается спорным. На основании трех последних сообщений античных авторов и возникли три точки зрения о названии и содержании исторического сочинения Иеронима из Кардии. Одни ученые утверждали, что его работа носила название *τὰ περὶ τῶν διαδόχων καὶ ἐπιγόνων*³⁴, другие настаивали на том, что именно Диодор, автор, на которого работа историка из Кардии оказала наибольшее влияние, правильно передает ее название³⁵, третьи—что Иероним написал две работы: одну о деяниях преемников Александра, другую о времени их потомков³⁶. Все эти точки зрения имеют право на существование, но подтверждения им в источниках мы не находим. Несомненно одно—все работы, в которых употребляются термины «диадочи» и «эпигоны» как обозначения для двух первых после смерти Александра поколений эллинистических монархов, относятся ко времени после жизни Иеронима.

Что касается его работы с источниками, то Иероним из Кардии считается современными исследователями одним из самых надежных³⁷ и честнейших историков³⁸ эпохи эллинизма, равным по своим исследовательским качествам Фукидиду, отличавшимся компетентностью в политических, дипломатических и военных событиях, политиком-практиком и человеком действия³⁹, что позволяет ему наделять рассказы о

³⁴ См., например: SCHUBERT R. Die Quellen zur Geschichte der Diadochenzeit. Leipzig, 1914. S. 13.

³⁵ См.: BILLOWS R.A. Op. cit. P. 330 ff.; HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 79.

³⁶ См., например, разбор этого мнения: MÜLLER O. Antigonos Monophthalmos und “das Jahr der Könige”. Bonn, 1973. S. 7–12. Последняя точка зрения—о наличии двух работ Иеронима—вызывает резкое возражение Р.А. Биллоуса. См.: BILLOWS R.A. Op. cit. P. 331.

³⁷ См.: BURY J.B. The Ancient Greek Historians. L., 1909. P. 177; HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 107; TARN W.W. Antigonos Gonatos. Oxford, 1913. P. 247.

³⁸ См.: BROWN Tr.S. Op. cit. P. 684, n. 1 со ссылкой на литературу конца XIX—начала XX вв.

³⁹ Это позволяет некоторым современным исследователям утверждать, что по многим аспектам Иероним может быть сравнен с другим крупнейшим историком эллинизма—Полибием. См. специально: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 15.

военных событиях, связанных с борьбой диадохов за власть, правдивостью, яркостью и живостью изображения и обязательно сопровождать их важными статистическими данными. Подчеркивается его близость к крупнейшим политикам эпохи диадохов, что, несомненно, способствовало знанию им истории этого периода из первых рук, и то обстоятельство, что он писал историю своего времени «по горячим следам»⁴⁰. Но он знал о необходимости объяснения политических событий, что подтверждается анализом их причин и опорой на политические документы⁴¹. Он избегал в своем изложении риторики и патетики, дешевого морализирования, злобных сплетен, ссылок на вмешательство богов⁴². Его отличало внимание к хронологической последовательности в излагаемом им материале⁴³.

Хронологические рамки работы можно, но с определенной осторожностью, определить, опираясь на данные фрагментов о работе Иеронима. Самый ранний из них относится к событиям 322 г. до н. э., имевшими место в Каппадокии (App. *Mithrid.* 8 = FgrHist II В 829 F 3). Дж. Хорнблауэр указывает на сходство данных в отрывке из Аппиана со сведениями Диодора о войне Пердикки и Эвмена с каппадокийским царем Ариаратом (Diod. XVIII.16.1–3) и, одновременно, показывает расхождение античных источников в рассказе о походе Александра через М. Азию⁴⁴. Самый поздний из отрывков, имеющих отношение к работе историка из Кардии, описывает войну Антигона Гоната с Пирром, смерть последнего в Пелопоннесе в 272 г. до н. э. (Paus. I.13.7, 9 = FgrHist II В 829 F 15) и специально указывает на наличие в работе Иеронима рассказа об этом событии (*καὶ ταῦτα ὁ Ἱερώνυμος ὁ Καρδιαῖος ἔγραψεν*). Другие фрагменты, которые античные авторы приписывают также Иерониму из Кардии, показывают, что личность и поступки Пирра, соперника Антигона Гоната в борьбе за власть над Балканским полуостровом, серьезно интересовали историка, хотя предположение о том, что престарелый историк—ему в это время было свыше 80 лет—написал и историю его правления, ни на чем не основано.

Разбирая данные Иеронима о Пирре, С. С. Казаров специально

⁴⁰ HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 15.

⁴¹ Кл. Розен, разбирая эту проблему, подчеркивает, что Иероним весьма умело использует и передает их: в краткой и полной форме, в виде цитат. См.: ROSEN K. Political Documents in Hieronymos of Cardia (323–302 BC) // ACI. 1967. Vol. 10. P. 41–42.

⁴² См. эту краткую характеристику: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 108.

⁴³ См.: HARDLEY R.A. Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology // Historia. 1969. Bd 18. N. 2. P. 151.

⁴⁴ В этом же комментарии автор дает подробный рассказ о ранней истории Каппадокии, династии каппадокийских правителей, географическом делении этого региона, политике Ариарата. См.: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 239–243.

останавливается на тех пяти из имеющихся в коллекции Ф. Якоби фрагментов из сочинения этого историка, которые имеют непосредственное отношение к эфирскому властителю: два из них взяты из произведения Павсания (I.9.7; 13.9) три—из плутарховой биографии Пирра (17; 21; 27). Однако автор монографии делает попытку связать с работой кардийца еще несколько отрывков из Павсания (I.13.3) и Плутарха (6; 7; 26; 30; 31; 34), которые содержат характеристику личности Пирра. Базой для подобных выводов ему служит двойственное, как он считает, отношение Иеронима к Пирру: с одной стороны, царь Эпира восхищал историка своим полководческим талантом, личной храбростью, с другой—ему-де больше импонировал спокойный и уравновешенный характер Антигона Гоната.

Не отрицая саму возможность связать эти дополнительные отрывки с произведением Иеронима, мы, однако, вынуждены поставить под сомнение некоторые аргументы С.С. Казарова (см. специально с. 18–20). Во-первых, нет никаких данных, что Пирр был защитником идеи сохранения неделимости империи Александра Македонского. Во-вторых, нельзя считать, что всякий носитель таковой идеи автоматически является защитником панэллинской идеи. Пример, противоречащий этой точке зрения—Птолемей Лаг, который активнейшим образом эксплуатировал в своих политических интересах идею объединения греков и дарования им свободы и автономии. Но после смерти Александра он показал себя противником верности македонской царскому дому, человеком, который поставил своей целью стать независимым от центральной власти. Дальнейшие действия Птолемея были направлены на установление в глазах его македонских подданных⁴⁵ своей связи с македонским династией⁴⁶, своего права на владение Египтом⁴⁷ и «вжи-

⁴⁵ С этой целью, возможно, им самим инициировались слухи о том, что он —незаконный сын царя Филиппа. См.: HESKEL W. The Marshals of Alexander's Empire. London, 1992. P. 222. nn. 40–41.

⁴⁶ Чему немало способствовало и похищение сатрапом Египта тела покойного Александра, которое он захоронил в Египте (см. данные источников: Diod. XVIII.28.2–29; Arr. *Succ. Alex.* 9.95, 10; Paus. I.6.3; Strab. XVII.1.8). К тому же Лагиды стали использовать имя Аргея, легендарного прародителя македонской династии, как это убедительно, на наш взгляд, доказывает в одной из своих работ В.Гринволт (см.: GREENWALT W.S. Argeus in the Macedonian Religious Tradition // АНВ. 1987. Vol. 1. № 3. P. 51–53), в своих интересах. Важно, что по данным Павсания один из братьев Птолемея II, видимо, от первого брака Птолемея Сотера, носил имя Аргея (Paus. I.7.1).

⁴⁷ Птолемей, согласно особенностям политической жизни империи Александра после его смерти и, в определенной степени, традициям македонской монархии, управлял своей сатрапией в «силу его личной смелости» как завоеванной им территорией (*οὐκ ἐν δόξῃ κτλητῆν*—Diod. XVIII. 39. 5) и не раз уже доказал свое право на владение ею (*ibid.* 21.8–9; 22. 33–36.1–6; Arr. *Succ. Alex.* 28–29; 16–19; Just. XIII.6.10, 8.1–10; Strab. XVII.1.8; Marm.

вание» в местные египетские условия и обычаи⁴⁸, в чем он несомненно преуспел к 315 г. до н. э. Закончилось это тем, что в 306 г. он подобно Антигону Одноглазому, который таким образом стремился сохранить единство бывшей империи Александра, провозгласил себя независимым царем, но преследуя при этом абсолютно противоположную задачу: независимость управляемого им Египта от любой иной власти⁴⁹. В-третьих, нет никаких данных, что эти две, абсолютно не связанные между собой идеи, были взяты Пирром на вооружение во время его италийского похода.

Кроме того, автор монографии несколько искажает, как нам представляется, представления самого Иеронима. Тот, действительно, будучи подобно Эвмену протезе македонских царей⁵⁰, защищал официальную македонскую политику и тех, кто был верен центральной македонской власти, что прослеживается некоторыми учеными при анализе фрагментов «Истории» Иеронима и тех античных произведений, что написаны на основе его исторического сочинения. Защита македонской политики была для Иеронима связана с верностью дому Аргеадов и тем правовым решениям, что были приняты на советах полководцев после смерти Александра⁵¹. Именно эта политика, направленная вновь

Par. 10, 11; Ael. *HV*. XII.64). См. об усилиях Птолемея в этом направлении: Ладынин И.А. Египетская царская титулатура Александра Великого // Вестник МГУ. серия 8. История. № 2. 1999. С. 92; он же. К датировке и исторической интерпретации первой части «Стелы сатрапа» (Urk. II. 12. 12–15.16) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 192–194.

⁴⁸ Об этом, например, свидетельствует ряд данных в «Стеле сатрапа», датированной 312–311 гг. до н. э. См.: Ладынин И.А. К датировке и исторической интерпретации... С. 178–200; он же. Сведения о возвращении из Азии египетских культовых предметов правителями династии Птолемея // Античность в современном измерении. Тезисы докладов. Казань, 2001. С. 90–92; он же. Обозначение stt в «Стеле сатрапа»: к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке // ВДИ. 2002. № 2. С. 3–19.

⁴⁹ См. подробнее о событиях 306 г. до н. э. и мотивах действий Антигона и Птолемея: САМОХИНА Г.С. Развитие представления о *χώρα διοίκητος* в эпоху эллинизма // Античный полис. Л., 1979. С. 92–101; она же. Об одном эпизоде из истории диадохов: «год царей» и его политические итоги // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. Свердловск, 1988. С. 44–51.

⁵⁰ См.: HORNBLLOWER J. Op. cit. P. 153.

⁵¹ См. подробнее о характерной для ранней эллинистической историографии приверженности отдельным правителям—в Египте Птолемея Лага работал Клитарх, Онесикрит служил Лисимаху, при дворе Кассандра жили такие известные ученые, как Эвгемер, Феофраст (там, кажется, и было написано его знаменитое произведение *Περὶ βασιλείας*) и историк Аристул—и определенным идеям, в том числе и отмеченной в нашем

на «собрание земель» в Македонии вокруг центральной власти, а не характер Антигона Гоната, как нам представляется и делали его героем в глазах Иеронима. Наконец, рыдания над поверженным бездыханным врагом—это *locus communis* античной историографии, а не пример мудрости историка Иеронима. Рыдания победителя при виде поверженного врага—литературный штамп, общий мотив не только для эллинистических историков⁵², но и в целом для древнегреческой литературы, начиная с описания реакции Ахилла на просьбу царя Приама вернуть ему тело его сына Гектора (Hom. II. XXIV.507 sqq.).

Попытка С. С. Казарова (с. 20) связать именно с Иеронимом ряд высказываний о Пирре у Плутарха и Павсаниястораживает, ибо он, во-первых, связывает ее опять-таки только с трактовкой этим историком характера Антигона Гоната и его соперника в борьбе за власть над Македонией и забывает, как нам кажется, о личном вкладе в эту характеристику, прежде всего, Плутарха. Моралист Плутарх уделяет самое пристальное внимание именно моральным качествам⁵³ своих героев, в данном случае носителей царской власти. Оценка им эллинистических монархов вообще по большей части отрицательна (Plut. Dem. 3.5). Она связана с его пониманием идеальной монархии и идеального носителя царской власти⁵⁴. Д. Браунд, обращает внимание на использование Плутархом приемов дионисийской трагедии в своих биографиях⁵⁵ и доказывает это подробным анализом «Жизнеописания Пирра», показывая эпирского правителя образцом политического корыстолюбия и высокомерия (*πλεοναξία*). Антиподом ему Плутарх делает Антигона Гоната, идеального правителя и прекрасного отца, уделяющего большое внимание воспитанию своего сына. Д. Браунд показывает, что сходные идеи высказывал и современник Плутарха Дион Хрисостом. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что обращение Плутарха и его современников к проблеме характера монархической власти и вопросу о достойном приемнике достойного монарха, несомненно, связано с событиями последнего года правления Домициана, личностью этого

тексте в качестве наиболее характерной для Иеронима: ROSEN Kl. Politische Ziele in der frühen hellenistischen Geschichtsschreibung // Hermes. 1979. Bd 107. S. 472–473.

⁵² См. разбор некоторых примеров из работ историков эпохи эллинизма: LÏVEQUE P. Pyrrhos. Paris, 1957. P. 104, n. 99.

⁵³ См.: TATUM W. J. The Regal Image in Plutarch's Lives // JHS. 1996. Vol. 116. P. 146–151.

⁵⁴ См. подробнее о взглядах Плутарха на эту проблему: AALDERS G.J.D. Plutarch's Political Thoughts. Amsterdam, 1982. passim.; TATUM W.J. Op. cit. P. 151.

⁵⁵ См., например: BRAUND D. Dionisiac Tragedy in Plutach "Crassus" // CQ. 1993. Vol. 43. P. 468–474.

монарха и сменой в Риме императорской династии, переходом власти к Траяну и Адриану⁵⁶.

Наконец, мы вынуждены возразить против упрека С. С. Казаровым Фр. Ройсса, что тот-де «хотел бы все дошедшие до нас сведения по истории диадохов у Диодора, Помпея Трога, Дионисия, Плутарха, Аппиана, Павсания и Полиэна насильно втиснуть в рамки произведения Гиеронима» (так у автора, с. 17). Во-первых, мы видим в этом неуважение к тем самым немецким авторам XIX в., которых, по его же словам, отличает и глубина источниковедческого анализа, и «блестящее знание классических языков». Во-вторых, не следует оценивать работу Фр. Ройсса столь примитивно. Последний, работая исключительно с текстом античных писателей, сначала выявляет общее в имеющихся у них сообщениях и на основании этого делает вывод о том, что в отдельных частях своих произведений они имели общий источник. Затем он специально исследует качество этого источника и выделяет такие его свойства, как точность в передаче статистических или цифровых данных, касаются ли они количества часов, дней, месяцев и лет, занявших какое-либо событие, или указания на часть суток, в которую оно произошло, или численности войск, их диспозиции, описания местности, ее протяженности и т. д., и только после этого делает вывод, что таковым автором был Иероним из Кардии⁵⁷. В-третьих, он показывает и использование в исследуемых им работах других авторов: в частности, Помпеем Трогом-Юстином—Феопомпа, Филарха, Мегасфена, Мемнона Гераклеяского, говорит только о частичном использовании Иеронима Аппианом, Павсанием, Дионисием Галикарнасским⁵⁸. И, наконец, в-четвертых, сам С. С. Казаров не отрицает использование Иеронима Плутархом в биографии его героя, у Павсания, Диодора Сицилийского, Помпея Трога, Полиэна, Дионисия Галикарнасского, (см., например: с. 21, 37–46, 51, 55, 59). В этом случае смысл данного выпада нам абсолютно непонятен.

Остальной материал по анализу источников доримской эпохи не вызывает у нас особых возражений, но ряд вопросов при чтении его все-таки возникает. Нам неясно, на чем основывается концепция Р.Шуберта о том, что все отрицательные данные о сицилийской экспедиции Пирра исходят от Тимея, и почему С. С. Казаров не останавливается

⁵⁶ IDEM. Plutarch's "Pyrrhos" and Euripides' "Phonician Women" // *Histos*. 1997. Vol. I. N. 22–23 // <http://www.dur.ac.uk/Classics/histos/1997/braund.html>. На использование Плутархом литературных приемов греческой трагедии указывали и другие авторы, в частности: DE LACY P. *Biography and Tragedy in Plutarch* // *AJP*. 1952. Vol. 72. P. 159–171.

⁵⁷ См.: REUSS Fr. *Hieronimos von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit*. Berlin, 1876. S. 8–77, 78–91, 101–115.

⁵⁸ *Ibid.* S. 145–149.

на этом подробнее. Далее. Все, что касается критики⁵⁹ Полибием Тимея⁶⁰, Филарха⁶¹ и Дурида⁶², несомненно, требует обращения к новейшей литературе и к проблеме так называемого «трагического» направления в эллинистической историографии⁶³. Без освещения этой проблемы данные разделы источниковедческого анализа будут казаться безнадежно устаревшими. И, наконец, на основании чего автор монографии делает вывод о том, что Плутарх в биографии Пирра просто должен был игнорировать сведения такого несерьезного историка, как Дурид с Самоса, поскольку у него были источники, более внушающие доверие? (с. 31–33). Во-первых, если действительно Дурид уделял внимание в своей работе внешним атрибутам власти эллинистических владык, например, их одежде, то это могло быть воспринято Плутархом с полным доверием. Во-вторых, С. С. Казаров ошибается: Плутарх никогда не упускал случая выступить с критикой Дурида, как это показывают и приводимые им самим примеры из плутарховых биографий Алкивиада и Перикла, и известный нам выпад против сведений Дурида о происхождении Эвмена, хотя под рукой его была работа столь высоко оцениваемого С. С. Казаровым Иеронима из Кардии⁶⁴.

⁵⁹ Прежде всего, как нам кажется, нужно иметь в виду три работы общего характера: LEHMANN G.A. Polybios und die ältere und zeitgenössische griechische Geschichtsschreibung: einige Bemerkungen // Polybe. Neuf exposés suivie de discussions. Genève, 1974; MEISTER K. Historische Kritik bei Polybios. Wiesbaden, 1975; SACKS K. Polybios on the Writing of History. Berkeley, 1981. Esp. P. 22–66.

⁶⁰ См.: MOMIGLIANO A. Athens in the Third Century B.C. and the Discovery of Rome in the Histories of Timaeus of Tauromenium // MOMIGLIANO A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 39 ff.

⁶¹ См.: AFRICA Th. Philarchus and the Spartan Revolution. Berkeley, 1961.

⁶² KEVRIC R.V. In the Shadow of Macedon: Duris of Samos. Wiesbaden, 1977.

⁶³ Мы довольно подробно касались этой проблемы в своей монографии, разбирая понимание Полибием специфики исторической науки. См.: САМОХИНА Г. С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995. С. 96–102. Более подробная ссылка на литературу по этому вопросу содержится в уже упоминаемой нами статье И. А. Алонсо-Нунеса: ALONSO-NÚÑES J.A. Op. cit. P. 162, 164–166. Разумеется, этим не ограничивается новая литература по эллинистической историографии: количество работ, связанных с изучением и теории античного историописания, и основных направлений в эллинистической историографии увеличивается ежемесячно, но знакомству со ссылками на новейшую литературу могут помочь только соответствующие сайты в «Интернет».

⁶⁴ Мы специально занимались проблемой источников Плутарха по истории интересующей нас раннеэллинистической эпохи и постарались показать и жанровое многообразие его письменных источников,—он использовал исторические, мемуарные, философские, поэтические произведения,

Обращение к анализу С. С. Казаровым авторов эпохи римского господства в Средиземноморье не вызывает у нас столь пространных возражений, как его характеристика греческих авторов. Тем не менее, они все-таки есть. При оценке этой части работы мы вначале остановимся на тех трактовках автором источников, которые вызывают у нас возражение или являются, по нашему мнению, неполными, затем — на основном и, как нам кажется, принципиальном недостатке анализа вторичных источников и, наконец, коснемся структуры подачи здесь материала.

I. Мы уже высказали свое мнение по поводу биографий Плутарха как материала по эллинистической эпохе в целом и его работы с доступными ему источниками, которые, на наш взгляд, были много обширнее, чем это представляет себе автор рецензируемой нами работы (см. с. 37–42). Не стоит также считать Плутарха родоначальником морализаторской линии ни в античной биографии, ни в греческой историографии и художественной литературе — она, как это давно общеизвестно, родилась задолго до него. И морализаторство не помешало бы Плутарху отметить положительные черты Пирра-политика, если бы он такие нашел. Но если херонейский автор видит у эпибота черты корыстолюбия, алчности и безмерного честолюбия, то, во-первых, он делает такой вывод на основании тех самых греческих авторов, которые были ему доступны и которые так высоко оценивал сам С. С. Казаров, а, во-вторых, строгий беспристрастный анализ действий эпирского политика, как нам кажется, дает право и на такую оценку горячо любимого автором монографии героя. Дополнительный материал из презираемых совершенно напрасно⁶⁵, как мы считаем, С. С. Казаровым историчес-

такие документальные источники, как речи ораторов, письма, дневник македонского царского двора, ряд надписей, — и его отношение к ним, его, так сказать, «критику источников», которая, какой бы наивной она нам не представлялась, практически всегда присутствовала в особенно интересующих нас биографиях Плутарха. См. специально нашу работу: САМОХИНА Г.С. К характеристике источников по истории диадохов: Плутарх и его «Параллельные Жизнеописания» // Клио. Журнал для ученых. СПб., 2002. № 1 (16). С. 38–48.

⁶⁵ Плутарх получал этот материал из самых различных источников, в том числе и из специальных сборников исторических анекдотов, метких словечек и высказываний, поступков, которые традиция связывала с его героями, из риторического корпуса исторических примеров. См. о существовании подобного рода собраний, начиная с IV в. до н. э.: ИСАЕВА В.И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 62–64; Ораторская проза IV–III вв. до н. э. // История греческой литературы. Т. III: Литература эллинистического и римского периодов. М., 1960. С. 209–218; BOSWORTH A.B. History and Artifice in Plutarch's Eumenes // Plutarch and the Historical Tradition. Ed. by Ph. A. Stadler. L.; N.Y., 1992. P. 57.

ких анекдотов⁶⁶ дополняет этот портрет эпирского царя, человека, безусловно талантливого и также безусловно безмерно честолюбивого. И в дошедших до нас «Изречениях спартанцев» (27.219f) и в связываемых с плутарховым корпусом «Моралий» «Изречениях царей и полководцев»⁶⁷ (36.184c-d, 73.194e–195a-b) перед нами предстает яркая, но донельзя честолюбивая личность Пирра.

Очень удачным нам представляется обращение при характеристике данных Дионисия Галикарнасского к анализу Э. Бикерманом чисто риторических по своему происхождению писем Пирра и консула Левина, которое позволяет и датировать примерно этот материал, и сделать вполне убедительное предположение об авторе его. Однако, совершенно неприемлемым для нас является основная посылка автора: использование проримского материала автором всегда внушает опасение, если же материал исходить «из штаба Пирра», то ему всегда следует доверять (с. 45–49)

Все, что сказано автором монографии об Аппиане и его источниках и неубедительно, и—самое главное,—не позволяет решить вопрос о доверии к нему (с. 49–50). Очень неудачна трактовка данных Помпея Трога-Юстина (с. 54–58). Непонятно, почему данная в целом негативная трактовка такого источника, как Павсаний (с. 50–54), заканчивается столь жизнеутверждающим выводом. Такие замечания можно было бы сделать и по трактовке С. С. Казаровым других источников этой группы. Однако все отмеченные выше недостатки, как нам представляется, пристекают из главного недочета работы.

II. Все, что связано со вторичными нарративными источниками по истории Пирра, по нашему мнению, требует от автора обязательного обращения к современной литературе, ибо то самое *Quellenforschung*, которым так прославились особенно немецкие антиковеды XIX века, дает не просто неполную, но иногда и искаженную характеристику их. Да и некоторые проблемы, поднятые исследователями его творчества еще в XIX веке, не нашли своего отражения у С. С. Казарова.

Так, одной из важнейших проблем, связанных с использованием Диодором Иеронима из Кардии (см. с. 42–45), основного источника, конечно, прежде всего, для XVIII–XX книг его «Библиотеки», является ответ на вопрос, прямо или косвенно⁶⁸ он использовался сицилийским

⁶⁶ У Плутарха, кстати, это осознанный литературный и историографический прием, как следует из его слов в начале биографии Александра Македонского: «...часто...ничтожный поступок, слово или шутка лучше показывают характер человека» (Plut. *Alex.* 1.1).

⁶⁷ См. о современном состоянии проблемы принадлежности этого произведения перу Плутарха и того, откуда брались подобные примеры: ГАСПАРОВ М.Л. Примечания. Изречение царей и полководцев // Плутарх. застольные беседы. Изд. подгот. Я. М. Боровский и др. Л., 1990. С. 558–560.

⁶⁸ Удивительно, что эта проблема упущена С.С. Казаровым, хотя она специ-

автором⁶⁹. Кроме того, исследователи его творчества последних лет говорят об использовании Диодором для каждой из секций его книги зачастую не одного, а нескольких авторов⁷⁰ и о сильнейшем присутствии «авторского начала»⁷¹ в его «Исторической библиотеке», которое проявляет себя, во-первых, в использовании политической и морально-этической терминологии его времени, абсолютно чуждой его источникам⁷², во-вторых, в трактовке римской политики и характера власти римлян, которую нельзя назвать проримской, в-третьих, в проявлении его местного, сицилийского патриотизма. Вместе с тем, современные исследователи находят у него верность в передаче событий, освещенных его источниками, и сугубую точность в передаче политической терминологии⁷³. Если не учитывать этих особенностей творчества Диодора, можно легко запутаться в определении того, какая же из версий его источников предпочтительней для греческого автора.

ально разбирается и применительно к истории Пирра известным ему автором, который считает таким писателем Агатархида (III–II вв. до н.э.), базирующегося в своем историческом сочинении на работах Иеронима и Тимея. См.: VOTTIN C. Les sources de Diodore de Sicile pour l'histoire de Pyrrhus, des successeurs d' Alexandre-le-Grand et d' Agathocle // RBPh. 1928. Т. 7. P. 1307–1327.

⁶⁹ Проблема остается актуальной и поныне. О том, как она решалась в XIX–начале XX вв. и решается ныне см., в частности: MERKER I.L. Diodorus Siculus and Hieronymos of Cardia // АНВ. 1988. Vol. 2. № 4. P. 90–93.

⁷⁰ См. подробнее анализ данных Диодора о положении Эвмена в македонской среде после смерти Александра на основе сравнения его со сведениями Плутарха и Полиэна: HADLEY R.A. Diodorus 18.60.1–3: A Case of Remodeled Source Materials // АНВ. 1996. Vol. 10. № 3–4. P. 131–147. Использование Диодором нескольких источников объясняется его стремлением к исторической объективности, в которой ему зачастую отказывали авторы XIX в., к выяснению истинности событий, к приведению их в понятную для греков и римлян хронологическую систему, к тому, чтобы история выполнила в его труде для читателя свою роль политической и моральной инструкции. См. эти объяснения: DREWS R. Diodorus and his Sources // AJP. 1962. Vol. 83. P. 383 f.

⁷¹ Оно, как доказано в ряде работ, проявляется, например, в его языке, Диодор не слепо следует своим источникам, а перерабатывает их. См., в частности, специально посвященную этому вопросу работу: PALM J. Über Sprache und Stil des Diodors von Sizilien. Ein Beitrag zur Beleuchtung der hellenistischen Prosa. Lund, 1955.

⁷² Так он поступает, используя Эфора в книге XIII, в рассказе о Сицилийской экспедиции афинян, дает название Пелопоннесской войне в терминах своего времени, по-своему освещает личность и взгляды Эпаминонда в книге XV. См.: DREWS R. Op. cit. P. 383–392

⁷³ Разбор этих вопросов хорошо представлен в известной нам работе К.Сэкса (см.: SAKS K.S. Diodorus and his Sources: Conformity and Creativity //

Этого же рода замечание мы можем сделать и по поводу трактовки С. С. Казаровым сведений Дионисия Галикарнасского, у которого в XIX–XX книгах его «Римских древностей» мы находим обширные фрагменты о военной кампании Пирра на западе Средиземноморья. Сложности с источниками Дионисия Галикарнасского и его отношением к ним, возможно, стали бы для автора менее трудоемкими, если бы опять-таки были учтены новые работы, посвященные творчеству Дионисия в целом, в частности, известная нам работа Кл. Шульце⁷⁴. Она могла бы быть полезной автору монографии еще и потому, что в конце статьи приводится новейшая зарубежная библиография по римской анналистике, творчеству Тита Ливия и других авторов римской эпохи. Знакомство с новейшей литературой помогло бы сформировать более четкое авторское отношение к Помпею Трогу–Юстину⁷⁵.

III. Наконец, материал этой части монографии С. С. Казарова дан в плане стилистическом более сумбурно. Если авторы первой части описаны им со вниманием к их происхождению, годам жизни, занятиям, сочинениям, их объему и т. д., то ничего подобного нет по отношению к источникам римского времени. Между тем, такой материал во многом помог бы и самому С. С. Казарову, и его читателям лучше разобратся в состоянии этих вторичных и более сложных для анализа нарративных источниках.

Историографический раздел монографии (с. 86–138) С. С. Казарова вызывает у нас несколько замечаний. Прежде всего, нам кажется неприемлемой нарочитая суженность историографического анализа. Во-первых, просто невозможно не дать хотя бы краткую справку о трактовке личности и деяний Пирра в считающихся классическими и в современных работах общего характера по истории эллинизма и древнего Рима. Во-вторых, автором явно не учтены некоторые работы, посвященные непосредственно его герою, хотя они представлены в библиографическом списке его второй работы, посвященной эфирскому царю⁷⁶. В-третьих, абсолютно непонятно, почему автор под-

Greek Historiography. Ed. by S. Hornblower. Oxf., 1994. P. 213–232), которая основана на выводах его же монографии: IDEM. Diodorus Siculus and the the First Century. Princeton, N.Y., 1990.

⁷⁴ См.: SCHULTZE Cl. Authority, Originality and Competence in the Roman Atcheology of Dionysius of Halicarnassus[1] // Histos. 2000 Vol. IV // <http://www.dur.ac.uk/Classics/histos/2000/schultze 1.html>.

⁷⁵ Мы, в частности, обращаем внимание автора на известную нам статью Р. Сайма, в которой показано, как менялось мнение авторов по поводу датировки его сочинения, его исторической ценности, современное состояние этого вопроса и дана литература, связанная с этими проблемами: SYME R. The date of Justin and Discovery of Trogus // Historia. 1988. Bd 37. H. 3. P. 358–371.

⁷⁶ См.: КАЗАРОВ С.С. Царь Пирр и Эфирское государство в эллинистическом

Г. С. Самохина

вергает критике только отечественных антиковедов, неужели из-за особого пиетета к зарубежной историографии вообще? Наконец, в-четвертых, поскольку изучение истории царя Пирра и его личности начинается с французского антиковедения, то не помешало бы объяснить, какими его особенностями это вызвано⁷⁷, равно, как и, если обращаться к французской философии, то ее нужно либо рассматривать подробно и серьезно, либо не касаться этого совсем.

Наконец, как это ни неприятно, мы должны отметить, что работа С. С. Казарова имеет опечатки и ошибки в русском языке и греческих терминах. Пропущены необходимые знаки диакритики в цитатах на древнегреческом языке, а в названиях работ на немецком и французском—те знаки, которые и показывают, что эта работа написана именно на французском языке, а не, например, на латыни. Если это южнорусский издательский стиль, то от него просто необходимо избавляться и как можно быстрее: поступив в библиотеки Европы и Америки, такая работа может дать совершенно неверное представление о степени общей и специальной—антиковедческой—грамотности не только самого С. С. Казарова, но и всех российских антиковедов.

Вместе с тем, эта небольшая работа С. С. Казарова, введение к его основному исследованию истории эпирского царя, несомненно полезна, познавательна и прекрасно показывает крайне неудовлетворительное состояние разработки одной из важных тем истории эллинизма в отечественной историографии античности.

THE NEW MONOGRAPHY ABOUT PYRRHUS, EPIROTE KING

G. S. Samohina

This paper is the detailed review on the book: S. S. KAZAROV. The King Pyrrhus: The Ancient Historical Tradition and the Modern Historiography. Rostov-na-Donu, 2002. – 141 p. (*in Russian*).

мире. Ростов-на-Дону, 2004. С. 276–287. №№ 80, 91, 130, 141, 169, 170, 174, 189, 192.

⁷⁷ С.С. Казаров, отмечая, что именно французам мы обязаны обращением к изучению Пирра, замечает: «как это ни кажется странным» (с. 86). Однако это совсем не странно, если знать некоторые характерные черты французской историографии античности.